

Михаил ТАЛАЛАЙ

Гинзбурги

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИНАСТИЯ, ОСНОВАННАЯ В ОДЕССЕ

Одесса начала прошлого века стала истинным рассадником литературных талантов: достаточно вспомнить сочные описания Валентина Катаева, посвященные его землякам.

К блестящей плеяде одесситов можно добавить, пусть и только формально, Льва Федоровича Гинзбурга, родившегося в черноморском городе в 1909 году, ребенком увезенного родителями в Италию и посему абсолютно неизвестного в России.

На своей второй родине он стяжал двойной венец славы — как плодотворный переводчик-популяризатор русской литературы и как герой Сопrotивления, замученный в фашистских застенках.

Семейная история Гинзбургов подробно изложена в книге "Из Одессы в Турин. Беседы с Марусей Гинзбург", впервые вышедшей в 1983 году и недавно вновь предложенной читателям — в расширенном варианте. Изложение это организовано в форме беседы Марии Федоровны Гинзбург (1896 — 1994), старшей сестры литератора, с Марией-Кларой Авалле, бравшей у нее уроки русского. Предисловие к книге написано другом Льва, известным туринским философом Норберто Боббио, определившим ее сюжет как "важную страницу истории итальянской и истории русской".

...Родители Маруси и Льва (и еще одного сына — Николая) принадлежали к элите русского еврейства: отец, выходец из Литвы, был удачливым одесским коммерсантом; мать-петербурженка Вера, в девичестве Грилихес — филологом-самоучкой. Тяга к Италии сформировалась у Гинзбургов еще до эмиграции: их "мамзель", итальянка Мария Сегрэ, обучавшая детей языкам, постоянно жила в Одессе, и семейство ежегодно отдыхало на Тирренском море.

В один из наездов в Италию Вера Гинзбург завела курортный роман с братом "мамзель", Ренцо. Их краткая связь не осталась без последствий — на свет появился мальчик, которого Федор Гинзбург, простивший жену, признал сыном. Таким образом Лев уже по обстоятельствам своего рождения был наполовину итальянцем.

Эмиграция Гинзбургов носила характер скорее экономико-бытовой, а не политический, ибо все семейство по воззрениям было "левыми". Его глава финансировал кадетов, мать увлеклась национал-социализмом, Николай состоял в социал-демократах, Мария — в эсэрах (выпускница бестужевских курсов в Петербурге, она вместе с Верой Фингер основала в революционной столице "Трудовое бюро" для возвращавшихся амнистированных ссыльных; в изданных ее "Беседах" постоянно сквозит сожаление об оставленной Советской России). Сам Лев в эпоху Русской революции был слишком юн,

но в Италии стал убежденным социалистом и антифашистом.

Из семьи он "эмигрировал" первым, в пятилетнем возрасте. Война 1914 года застала Льва вместе с семьей в Италии: семья поспешила домой, но без мальчика, "временно" порученного заботам мамзель Сегрэ, по крови — тетки. Россию он так больше и не увидел, став, по современной терминологии, "невозвращенцем". Вторым уехал Николай: он оставил Родину в 1919 году, уклонившись от призыва в Красную армию.

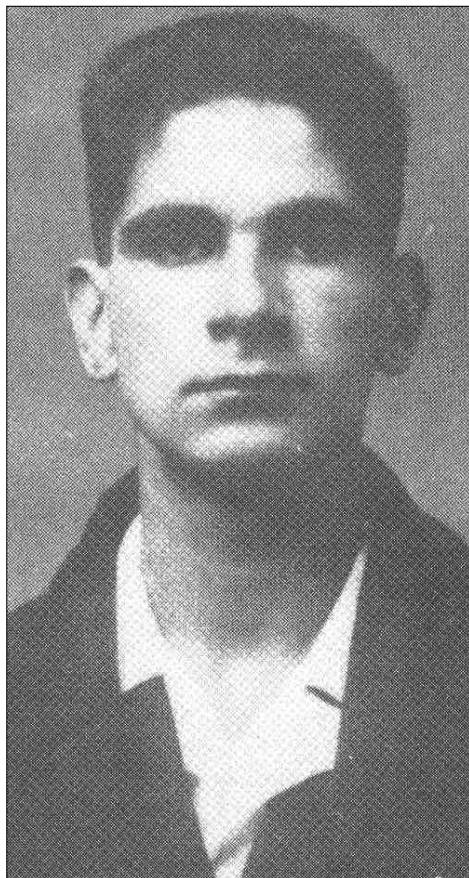
В 1920 году и остальные Гинзбурги навсегда покинули Россию: отец семейства осознал, что свободному предпринимательству пришел конец, и переехал в Берлин, где основал коммерческое предприятие (в Германии Лева доучивался в русской гимназии). В 1924 году Гинзбурги обосновались в Италии, в Турине, где старший брат Коля уже учился в престижном Политехническом институте.

Писать о русской литературе Лев начал еще в Берлине, и в мемуарной книге сестры опубликованы его юношеские опыты. Писательский дар у него обнаружился необыкновенно рано: Маруся вспоминает, что первые рассказы он сочинил в 6-летнем возрасте. В 12 лет вместе с двумя друзьями, однокурсниками по берлинской русской гимназии, он основывает рукописный альманах "Что мы думаем", где "публикует" эссе о Пушкине, Данте, Маццини.

В Турине он со страстью отдался литературе. В 16 — 17 лет Лев сочиняет ряд повестей и исторический роман — уже не на русском, а на итальянском. Две половины своей души он соединяет в переводах: в 19 лет Гинзбург печатает "Тараса Бульбу", в 20 — "Анну Каренину". За ними следуют "Дворянское гнездо", "Крейцера соната", "Пиковая дама". Переводческую деятельность Гинзбург воспринимает как миссию, несколько иронично называя себя "почтовой лошадей литературы".

В тот же период он начинает писать статьи о русских писателях, первым стало эссе о Толстом и об "Анне Карениной" (1927). Русистика стала главной в его творчестве: уже посмертно, в 1948 году, вышел большой его сборник "Scrittori russi" ("Русские писатели").

На рубеже 1920 — 30-х годов Лев примыкает к антифашистской оппозиции, поначалу — сдержанно, так как, во-первых, до 1931 года он оставался аполитомом, "лицом без гражданства", а во-вторых — симпатизировал позициям неаполитанского философа Бенедетто Кроче, проповедовавшего "легальную конспирацию культуры". Поэтому он некоторое время сотрудничал и с официальными печатными органами, например, с журналом "Cultura", для которого в 1931 году подготовил спецвыпуск, посвященный

50-летию со дня смерти Достоевского. Впрочем, в то время фашизм еще не контролировал всю интеллектуальную жизнь страны: в 1932 году, например, Гинзбург содействовал публикации "Конармии" Бабея, своего земляка. В том же году в Париже, закончившая дипломную работу о Мопассане, он, сблизившись с итальянскими политэмигрантами, стал сотрудничать с оппозиционной печатью — под псевдонимом M.S., в память о своей тете, Марии Сегрэ.

Его выдающиеся филологические способности и организаторский талант стали фундаментом основанного им с друзьями в 1933 году туринского издательства "Einaudi", превратившегося ныне в могучее книжное предприятие, одно из главных в стране. До сих пор оно ведет им задуманную серию "Библиотека исторической культуры", а недавно посчитало своим долгом переиздать статьи Льва, преимущественно по русской литературе.

Получив в 1933 году место доцента на филфаке туринского университета, 23-летний юноша прочитал курс русской литературы. Блестящий лекторий, посвященный в основном Пушкину, стал первым и последним...

Режим Муссолини крепчал. В январе 1934 года, когда весь университетский персонал в стране был обязан "взять" партийные билеты, Лев отказался и потерял работу. Но худшее было впереди: в том же году он был арестован за антиправительственную пропаганду и осужден на 4 года тюрьмы (освобожден по амнистии через два года). В тюрьме его друзьями становятся словенцы, жители зоны Триеста, не желавшие ита-

льянизироваться по приказу дуче. Он неизбежно левеет и умудряется работать в заключении как редактор над переводом "Истории русской революции" Троцкого, другого своего земляка (возможно, именно из-за книги Троцкого Гинзбург после своей гибели не был прославлен советской пропагандой).

В 1938 году в Италии вышли так называемые расовые законы, согласно которым все подданные еврейского происхождения отправлялись на обочину общества. Николай тут же уехал в США, остальные Гинзбурги не смогли. Репрессии обрушились в первую очередь на Льва: его тут же лишили подданства (итого официально он числился итальянцем всего семь лет), а в 1940-м изгнали из Турина в далекие и провинциальные Аbruццы. Издательство "Einaudi", несмотря на опалу его основателя, выжило, в первую очередь — благодаря другу Льва, Чезаре Павезе, замечательному писателю и в ту эпоху обладателю партийного билета.

За ссыльным последовала его жена Наталья. Именно тогда она сочинила свою первую книгу "La strada che va in città?" ["Улица, ведущая в город"]. За нею последовали многие другие, а особую славу ей принес автобиографический роман "Lessico familiare", впервые вышедший в 1963 году и не раз переизданный огромными тиражами. В нем она рассказала о нескольких семейных трагедиях, в первую очередь — о подвиге мужа, тайком вернувшегося из ссылки в столицу, арестованного в подпольной типографии и замученного немцами в римской тюрьме в феврале 1944 года. Литератору было всего 35 лет. Перед самой смертью он сказал своему союзннику Сандро Пертини, впоследствии — президенту Итальянской республики: "Мы не должны ненавидеть немцев..."

Трагической была и судьба отца Натальи, ливорнийского еврея, профессора медицины Туллио Терни, вступившего в фашистскую партию (поначалу не имевшую антисемитских теорий), потерявшего из-за расовых законов работу, но не обретающего ее вновь после войны — из-за своего "фашистского прошлого". В итоге видный ученый покончил в 1946 году жизнь самоубийством...

По стопам Натальи и Льва пошла их внучка Лиза Гинзбург (род. в 1967 г.). Она начала свою литературную деятельность как редактор посмертной книги бабки, "Come è difficile parlare di se" ("Как трудно говорить о себе"), а недавно опубликовала свой первый роман "Она грозы хотела". Выдвинутый на премию Стрега и замеченный критикой, роман несет на себе печать российского прошлого семейства. Его титул взят из стихотворения Ахматовой, а главным героем Эрнесто — преподаватель русской литературы и поклонник творчества Чехова. Личная история доцента (разлад с одной женщиной и любовь к другой) развивается на фоне бесед о "Трех сестрах": его новая пассия пишет дипломную работу о Маше (один из немногих упреков критики — в чрезмерной интеллектуальности романа).

По словам начинающей писательницы, чеховский фон возник благодаря бабушке Наталье (ей и посвящен роман), утверждавшей, что Чехов "уникальным образом заставляет читателя страдать и смеяться".

Неаполь.

Эвелина ШАЦ

История одной чашки

Я пришла с фотографом Валерием Плотниковым, моим старым другом, к Лиле Брик снимать ее для итальянского Vogue'a.

Там был Параджанов, только что вышедший из тюрьмы. Он оттягивал рукава свитера и показывал синий тюремный грибок на крепких руках. Мы все были влюблены друг в друга. Я — вечно в Плотникова, а вот теперь уже и в Параджанова. Навечно. И, разумеется, в Лилу. Она была прекрасная рыжая, в черной тафте от Ива Сен-Лорана, Пиковая дама с косичкой. В гимназии, чтобы не походить на других девочек, Лиля, к ужасу родителей, обрезала себе косы, а в восемьдесят пять лет по той же причине приплетала фальшивую косу. А может быть, она была настоящей, ибо была не коса, а именно косичка. Но Пиковая дама или Рыжеволосая Венера, так называл когда-то ее портрет художник Гарри Блюменталь, она была неотразима. Глаза блистали, как черный обсидиан с острова Стромболи. В них влажно дрожали неиссякаемое любопытство и расположение к тебе, пред ней представшей.

Мы снимали со стенки шитый бисером, на-верное, индийский коврик с рельефным слоником, подарок Маяковского, с какого-то

южного базара, и два грузинских армянина, Катанян и Параджанов, держали его торжественно за спиной Лилы, восседавшей, как королева, в длинном черном платье от обожжающего ее Ива, с его же брошью: пронзенный серебром стрелы блестящий круг. Фотографии, некоторые из них, публиковались, выставлялись в России, в Италии, в мире.

Я стала бывать у Лилы. Позднее в нее влюбился мой четырнадцатилетний сын Женя. До сих пор в его студии висит портрет Лилы, творение Плотникова, с замечательным автографом.

Вечерами к Катаньянам заходил Веня Сметхов. Других не помню. Всегда приятно накрытый по-московски стол. С Параджановым встречи продолжались весь месяц, что я была в Москве (в гостях у театра Образцова). Но это уже другая история.

Из тюрьмы Лиля получила 400 писем с коллажами от Сержа. Он работал на чистке, кажется, мешков от тростникового сахара. Воровал, вытягивая нити из мешковины, и ими писал. Так началось его искусство переплечения вещей. Он создавал свою

единственную, неповторимую эстетику из кефирных крышек, старых гребешков, битого стекла, поломанных игрушек... обтрепанных куколок. Одна, с отгрызенными ручками и ножками, хранится у меня в Милане. Своим вещам он придумывал биографии. В девять лет он стал делать что-то похожее. Большие рельефы из мусора. Мой друг искусствовед Ирина Ратиани сразу сказала: от Параджанова. Что ж, комплимент мне на руку. И в руку.

В один из вечеров, где все любили всех, у Лилы так это и случалось, она вдруг вытащила из горки одну из двух чашек с синими тонкими узорами ручной росписи, подарок Ломоносовского фарфорового завода, и протянула ее мне. Их было две. "Вася" и "Лиля" было написано на чашках. На каждой — одно. Вася застал. Но остановить ее порыв щедрости и расположенности не мог никто и никогда. Так чашка с надписью "Лиля" осталась у меня и долго пребывала в моей коллекции.

Когда ушла навечно Лиля, я прилетела из Милана, Серж — из Тбилиси. На тумбочке у Лилиной постели на даче лежал номер

Vogue'a 1977 года с моей статьей и с прекрасной фотографией Плотникова. Это была последняя статья о Лиле при жизни.

Позднее Антонелло Тромбадори, искусствовед и депутат-коммунист, выпустил статью о Лиле Брик в незатейливом, но весьма серьезном журнальчике, списав добрых две трети моей статьи. Другья прислали мне журнал из Рима. Я этим очень гордилась. Плагиат-комплимент.

Я никогда никого не хоронила в России, будучи взрослой. В гостинице "Националь" в день кремации горничные сшили мне косынку из черных лоскутов подкладочной ткани. Но Параджанов отнял ее у меня и повязал себе на рукав во время церемонии кремации, которую он превратил в свой театр.

Я до сих пор храню эту косынку.

А вот чашку мне всегда хотелось вернуть на место, рядом с Васиной поставив. Но время ушло. Не знаю, где чашка замечательного Васи Катаняна, с которым я ходила опускать письмо в ящик ЦК КПСС с просьбой Параджанова о выезде из СССР хотя бы на год, хотя бы в Афганистан. Да, да. Я читала это письмо. Феллини обещал дать ему поработать.

Вот сколько всего, а это лишь малая часть памяти, что находится на дне, бездонном дне Лилиной фарфоровой чашки с синей каллиграфией.

Москва — Милан, 2011.